

УДК 821.512.145

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ОБРАЗА САДА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ И ТАТАРСКИХ ПОЭТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

© Альфия Галимуллина, Фоат Галимуллин

FEATURES OF ARTISTIC EXPRESSION OF THE IMAGE "GARDEN" IN THE WORKS OF RUSSIAN AND TATAR POETS: THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Alfiya Galimullina, Foat Galimullin

Based on the works of Khasan Tufan, Ildar Yuzeev, Renat Kharis and Zulfat, the article studies the features of the artistic expression of the image "garden" in the works of the Russian-speaking poet and writer Ravil Bukharaev and the Tatar poets of the second half of the 20th century. For a long time, Ravil Bukharaev lived away from home, in England. For him the image "garden" is associated with his motherland and his native language, from which the poet was feeling very keenly his separation. At the same time, the image of the garden in Ravil Bukharaev's work is closely connected with the problem of seeking one's place in life and in society by a poet, a man. This problem is reflected in his poems "Omaroman", "Praying for the Cup", "The Time of Flowers". The motif of spiritual orphanhood permeates many of Bukharaev's poetic works.

Modern Tartar poets, living in their historical homeland, are deeply rooted in their native literature and culture, their expression of the image "garden" is characterized by the similarities and differences associated with the choice of artistic means, with a specific world view, determined by their attitude to the traditions of the East and Western Europe, including Sufi poetry. This is the relevance and novelty of our research, the main results of which are set forth in this article.

Keywords: Tatar literature, image of the garden, Ravil Bukharaev, Khasan Tufan, Ildar Yuzeev, Renat Kharis, Zulfat, Russian-language literature.

Статья посвящена исследованию специфики художественного воплощения образа сада в творчестве русскоязычного поэта и писателя Равиля Бухараева и татарских поэтов второй половины XX века на примере творчества Хасана Туфана, Ильдара Юзеева, Рената Хариса и Зульфата. Равиль Бухараев долгое время жил вдали от родины, в Англии. Для Равиля Бухараева образ сада ассоциируется с родиной, родным языком, оторванность от которых остро переживается поэтом. В то же время в творчестве Равиля Бухараева образ сада тесно переплетается с проблемой поиска поэтом, человеком своего места в жизни, в обществе, что нашло отражение в его поэмах «Омароман», «Моление о Чаше», «Время цветов». Мотив духовного сиротства пронизывает многие поэтические произведения Р. Бухараева.

В воплощении образа сада у современных татарских поэтов, живущих на своей исторической родине, глубоко укорененных в свою родную литературу и культуру, определяются сходства и различия, связанные с выбором художественных средств, со спецификой мироощущения и мировидения, обусловленной отношением к восточной и западноевропейской традициям, в том числе к суфийской поэзии. В этом и заключается актуальность и новизна нашего исследования, основные результаты которого изложены в данной статье.

Ключевые слова: татарская литература, образ сада, Равиль Бухараев, Хасан Туфан, Ильдар Юзеев, Ренат Харис, Зульфат, русскоязычная литература.

Образ сада традиционно присутствует в мировой поэзии с древнейших времен до наших дней. Не являются исключением в этом вопросе русская и татарская литературы, развивающиеся в русле традиций христианской и мусульманских религий. Как правило, в поэзии представлен об-

раз сада-рая, места, где лирический герой находит гармонию, ощущает свою защищенность от этого враждебного мира, это место, где можно созидать красоту и гармонию. Известно, что «рай (от греческого парадиз – сад, парк, отовсюду огороженное место) – в христианских представ-

лениях место вечного блаженства, обещанное праведникам в будущей жизни» [Мифы народов мира, с. 363]. Сад предстает как образ пространства «отовсюду огражденного и поэтому укрытого, упорядоченного и украшенного, обжитого и дружественного человеку» [Там же, с. 364].

Мы сопоставим специфику художественного воплощения образа сада в творчестве Равиля Бухараева, русских и татарских поэтов второй половины XX века. Несмотря на духовную близость этих поэтов, есть существенные отличия в их мироощущениях, обусловленных различием в осознании чувства родины. Судьба распорядилась так, что Равиль Бухараев долгое время жил вдали от России – в Лондоне, писал преимущественно на русском языке, поэтому его относят к русскоязычным поэтам. Это отразилось и в художественном воплощении образа сада в его поэтическом творчестве. Если для Равиля Бухараева образ сада, как правило, ассоциируется с родиной, родным языком, оторванность от которых остро переживается поэтом, то для русских и татарских поэтов образ сада в целом и образы отдельных его элементов: образы цветов, плодоносящих деревьев (например, образ яблони) связаны с другими ассоциациями. Рассматривая специфику художественного воплощения образа сада в поэзии Равиля Бухараева (1951–2012), Александра Кушнера (род. 1936), Зульфата (1947–2007), Хасана Туфана (1900–1981), Рената Хариса (род. 1941), Ильдара Юзеева (1933–2004), мы определим сходства и различия в выборе художественных средств, а также в мировидении и мироощущении поэтов, где наблюдается определенная связь с восточной, западноевропейской и русской литературными и культурными традициями.

Тема человека-сада, осмысления места человека, творческой личности в обществе, поиски себя, своего места в жизни объединяют поэтические циклы Равиля Бухараева «Моление о чаше» (1989–1991), «Казанские снега» (1968–1974), а также его поэмы «Омароман», «Ничаев на Алтае», «Вокруг Тукая», «Время цветов». Воплощением мечты о непостижимом Рае – Саде является поэма «Омароман». Мотив сиротства пронизывает многие поэтические произведения Р. Р. Бухараева.

Лирический герой Р. Бухараева вдали от родины остро ощущает свое одиночество, и в этой связи ему до боли близки такие простые, незаметные в обычной жизни детали, как «струенье дыма из трубы», «запах земли», «яблоко, одно на целый сад», «ни дома нет, ни сада, ни меня», «вдохнуть бы запах раннего листка / смородины – с вечернего куста...», «сад-

огород и деревянный дом / и печка с красно-голубым огнем...» [Бухараев, 2015, с. 340]. В последнем примере образ сада, усиленный тройным отрицанием, обостряет ощущение трагического одиночества лирического героя.

Тема сада в русской литературе имеет богатую традицию. Многие компоненты мифологемы сада сформировались в русской поэзии начала XX века в поэзии А. Блока, А. Ахматовой, М. Волошина, К. Бальмонта, И. Гумилева, в творчестве В. Маяковского появляется метафорический образ города-сада. Современные поэты продолжают традиционную тему и довольно часто обращаются к этому многозначному образу. Например, один из лучших лирических поэтов XX века Александр Кушнер в стихотворениях «Флора», «Когда, смахнув с плеча пиджак», «В защиту сентиментализма» иронически предупреждает о невозможности механического переноса в современную действительность идеализации природы (*О, восемнадцатого века / Тоска по сельской простоте...* [Кушнер, 1997, с. 10]). Лирический герой А. Кушнера, ведя заочную дискуссию с Ж.-Ж. Руссо, заявляет: *На протяжении двух веков / Сопrotивляюсь и шучу. / Бежать из пыльных городов / Все не хочу, все не хочу* [Там же, с. 11]. В то же время в его стихотворениях подспудно проходит тема человека-сада, который позволяет лучше показать переживания лирического героя: *С тобой, со мной, с prodpoгшим садом / Случится мягкая зима* [Там же, с. 49], *Вы, облако и сад, / Я только что из ада...* [Там же, с. 234]. Образ сада в поэзии А. Кушнера иллюстрирует философские размышления лирического героя. Так, в стихотворении «Решает сад, осмотрен мною...» сад становится гарантом существования людей. Противопоставляя устрашающий вид ночного сада полной ясности и определенности утреннего сада, лирический герой замечает: *И сад, с тенями по углам, / Приобретает ту объемность, / В которой место есть и нам* [Там же, с. 52]. Сад как преодоление ужаса небытия предстает и в философских стихах А. Кушнера «Но и в самом легком дне...», «В обстоятельствах грустных...», «В саду, задумавшись бог весть, о чем, о ком...» и др. В стихотворении «Таврический сад» вид восточного Таврического сада в заснеженном Петербурге вселяет надежду на всепреодолевающую силу любви и поэзии: *И живое какое-то, скрытое, мнится, тепло / Есть в любви, языке – потому и в поэзии нашей!* [Там же, с. 211].

Тема сада-человека, идеализация сада глубоко укоренена в татарской поэзии XX века, продолжающей лучшие традиции восточной литературы и суфийской поэзии. Об отражении суфий-

ской символики в татарской поэзии XIX–XX веков писали Н. М. Юсупова и А. Ф. Юсупов [Юсупова, Юсупов], [Юсупова]. Безусловно, в творчестве татарских поэтов велико влияние фольклора, особенно песенного. Так, например, М. М. Хабутдинова и Л. Ф. Замалиева, рассматривая специфику художественного мира песенной лирики Марселя Галиева, отмечают свойственную многим татарским поэтам специфику: «Фольклоризм М. Галиева в этих песнях проявляется в склонности к одушевлению (анимизации) и очеловечиванию (антропологизации) явлений окружающего мира, что находит выражение в специфической метафорике, символике, в различных формах параллелизма (психологического, образного, композиционного, синтетического)...» [Хабутдинова, с. 181]. Заметим, что это двусторонний процесс, потому что многие стихи Зульфата, Хасана Туфана, Рената Хариса и Ильдара Юзеева стали любимыми татарским народом песнями.

Эта тема наиболее ярко проявляется в творчестве и биографии Хасана Туфана (1900–1981). По воспоминаниям современников, Хасан Туфан в своем маленьком саду, расположенном в Доме творчества татарских писателей «Аккош күле» («Озеро Лебяжье»), бережно выращивал садовые и полевые цветы¹. Х. Туфан многие свои

¹ По воспоминаниям Гумера Баширова, если прийти в сад Хасана Туфана летом в «цветочную пору», то не можешь остаться равнодушным от разноцветных прекрасных цветов. При входе в сад поэта ощущаешь себя созерцателем сделанного умелыми руками прекрасного восточного ковра. В какую сторону ни брось взгляд, увидишь красные, фиолетовые, коричневые и голубые цветы. Вот перед тобой изнеженные европейские цветы, как бы вопрошающие: «А вы знаете, кто я?»: мальвы, флоксы, астры. Эти цветы из знатного племени, их происхождение, родословная и обитание в дворцовых садах европейских королей описаны в толстых старинных книгах. Рядом с ними разместились обитатели наших полей и лесов: подснежники, ландыши, вьюнки, хмель, колокольчики и множество подобных цветов, что на первый взгляд кажется непривычным, потому что их, как правило, в «культурные» сады не пускают. Хасан же сам разыскивал их в лесах и полях и сажал их в своем саду. Это обстоятельство сам Туфан, улыбаясь объяснял:

– Как Вам сказать... я здесь, приближая аристократию к природе, учу демократии. Пусть от нас им будет польза!

Приведем текст оригинала:

Әгәр бу бакчага чәчәк вакытында килеп керсәң, нәфис төсләрнең күплегенә, аларның төрлелегенә сокланмыйча кала алмыйсың. Килеп керешкә син үзеңне Көнчыгышның оста куллары чиккән гажәеп келәм каршысында торган кебек хис итәсең. Кайсы якка күз салма, күзеңнең явын алырлык ал, кызыл,

стихотворения написал в Доме творчества «Озеро Лебяжье», что нашло отражение и в его поэзии. Так, в стихотворениях «Гөлләрнең телен төшендем» («Я познал язык цветов», 1962), «Аккош күле такмаклары», («Частушки озера Лебяжье», 1962) запечатлены реалии из садоводческой жизни татарских поэтов. Лирический герой Х. Туфана хорошо понимает язык цветов: «*Берсүзсез дә аңлап була икән, / Гөлләр сиңа өзелеп дәшсәләр...*» [Туфан, с. 83]. («*Без слов слов можно, оказывается, понять, / если цветы к тебе возгласят...*») (здесь и далее подстрочный перевод наш – А. Г., Ф. Г.).

Образ сада, садовых и диких цветов в творчестве Хасана Туфана занимает большое место. Он использует этот образ в любовной поэзии, проводя параллели эмоционального состояния лирического героя с цветущим весной яблоневым садом. Например, в стихотворении «Бал корты жыр суза үзенчә...» («Пчела по своему растягивает песню») поэт использует параллелизм: «*Бал корты жыр суза үзенчә, / Яз яме уяна хисләрдә...*» («*Алмагач чәчәге сибелә / Жирләргә сибелә жыллардә...*» [Туфан, с. 21]

Яблоневый сад наполнен звуковыми метафорическими образами («песня пчелы»), ярким зрительным образом (россыпь яблоневого цвета, вся земля, усыпанная бело-розовым нежным яблоневым цветом), все это придает лирическому герою оптимизм, веру в то, что и в зрелые годы, когда прошла уже первая молодость, возможна любовь и вдохновение. Образ возлюбленной, благодаря параллелизму, вписан в образ яблоневого сада (*Ты стоишь предо мной, / как цветущая яблонька*), что позволяет лирическому герою метафорически выразить надежду: «*Очармын әле*

миләүшә төсле, коңгырт һәм зәңгәр чәчәкләр. Менә синен алдында ук, «беләсеңме без кем?» дигәндәй, тәкәббер кыяфәттә иркә Европа кунаклары – мальва, флокс, астра кебекләр чәчәк атып утыра. Болары затлы нәселдән, аларның нәсел-нәсәбе, кайсының кайсы король бакчасында үстерелүе калын китапларда теркәлән.

Шулар янында ук үзәбезнең кырларда, урманларда үрсезләнеп аяк астында үсеп яткан умырзая, энже чәчәк, үрмәле гөл, колмак, кыңгырау кебекләр башта гайре табигыйрак булып күренә. Чөнки гадәттә бу кыргыйларны (С. 167) «культурный» бакчага кертмилиләр. Хәсән исә үзәбезнең йорт тума чәчәкләрне урманнарда, кырларда эзләп табы, үз кулы белән алып кайтып утырткан. Бу хәлне Туфан елмая төшөп үзенчә аңлатты:

Ничек әйтергә мөмкин... мин биредә аристократияне табигатькә якынайтып, берәз демократия өйрәтергә тырыштым. Әйдә, бездән булсын яхшылык! – диде [Баширов, с. 167–168].

мин, очармын / күзләрең ... нурында ... бакчада». (Полечу еще я, полечу / в блеске глаз в саду).

В данном случае в переводе теряется многозначность оригинального текста. *Күзләрең ... нурында ... бакчада* – акцентированные многозначиями образы: в глазах, в саду и многозначный образ – *нурында*, который в сочетании с глазами можно перевести и как «в блеске глаз», а можно воспринять и более широко, что и соответствует логике всего стихотворения – «в лучах», «в сиянии» возлюбленной.

Образ яблони, яблоневого сада распространен в современной татарской поэзии. В поэзии известного татарского поэта Рената Хариса образ яблоневого сада и плодоносящей яблони позволяет провести параллели с судьбой поэта: *«Жәлеп үскән алмагач / колачлы шагыйрь сыман... / Алмагач – алмасы күпкә, / шагыйрь жыр күпкә сына»*. (Поэт и яблоня похожи. / В судьбе их расхожденья нет. / Сломаться ветвь от яблок может, / сломаться от стихов – поэт) [Харисов, 1998, с. 27] (художественный перевод Л. Газизовой – А. Г., Ф. Г.).

Показательно, что в сборнике «Пером, пишущим стихи» Ренат Харис свои поэтические миниатюры сопровождал графическими рисунками, создавая синтетический образ вербальными и невербальными средствами.

Метафорический параллелизм с судьбой поэта наблюдаем и в стихотворении «Алмагачның монологы» («Монолог яблони»), истоками истинной народной поэзии, народности поэта названы яблоня, олицетворяющая лиризм, народную душу и свободолюбие, мощь, олицетворением которых становятся великие полноводные реки – Волга, Вятка и Кама:

В творчестве поэта Зульфата образ яблоневого сада тоже нашел свое отражение. Так, Зульфат в стихотворении «Майның унбишләрендә» («В числах пятнадцатого мая» (15. V. 1998)) образ цветущей яблони противостоит майскому холоду и жизненным невгодам. Поэт задается вопросом: что бы делал человек, если бы вместо белых цветов яблони цвели бы какие-то «плохие, злые цветы»? Поэт проводит параллель с внутренним переживанием лирического героя, подобно яблоне, старающегося, по-своему, противостоять природным и душевным невгодам: *«...Адашканнар өчен булсын, диеп, / Тэрэз төбемдә ут кабыздым, / Ялгызлар күп... Майның унбишләрендә – / Алмагачлар чэчэк аткан төндә / Гел уйлы мин, / Тоташ ялгызым...»* [Зөлфәт, с. 241]. (Для заблудившихся / на подоконнике зажигаю огонь, / Много одиноких... / в пятнадцатых числах мая – / В ночь, когда цветут яблони, / Я всегда задумчив, / очень одинок).

Образы природы в поэзии Зульфата предстают в тесной связи с философскими размышлениями о смысле жизни, как, например, в стихотворении «Бердәнбер очыш» («Единственный полет»): *«...Соңгы очышларга чыксаң, / Ерак китешледер ул – / Жанның төсе булса эгәр, / Шул яфрак төсле дер ул... / Туфракка төшеп ятканчы / Безнең жанның да шулай / Бар микән соңгы очышы? – / Шулай булсачы, Ходай!..»* [Там же, с. 149–150]. (...Когда готовишься к последнему прыжку, / отправляешься в дальний путь / Если у души есть цвет, / то это цвет листка, наверное, / До того, как лечь в землю / Наша душа также совершает ли / последний свой полет? – / Да будет, так, Ходай!..).

В традициях татарской культуры и поэзии любовь, домашний очаг ассоциируется с образом черемухи, цветущей черемухи². В стихотворении «Матур бабай» («Красивый дедушка») (1992), поэт Зульфат представляет в качестве сада – утраченного рая, утраченной гармонии, чистоты чувств – черемуховый сад.

Однако размышления поэта печальны, черемуховый сад, скамейка для влюбленных, сооруженная красивым бабаем из досок, припасенных для погребения, отнесены к прошлому, а настоящее деревни и нашего общества вызывает тревогу: нет уже и скамейки, нет уже и самого дома дедушки, а молодежь не умеет так любить и ценить красоту природы и красоту душевных чувств.

Образ сада в татарской поэзии XX века входит и как известный топос, который в некоторых стихотворениях становится символическим. Если образ утраченной родины у Р. Бухараева связан с образами смородины, яблоневого сада, то в творчестве современных татарских поэтов мы можем наблюдать различные образы, ассоции-

² Не случайно, на наш взгляд, что Р. Бухараев в автобиографической прозаической зарисовке «Стеклянные цветы чужбины», размышляя об остром чувстве родины, детства, обостряющейся на чужбине, вспоминает запах черемухи, повеявший со стороны одного из садов в Венгрии, который напомнил автору о далекой родине. Р. Р. Бухараев, анализируя свои чувства, воспоминания, вызванные запахом черемухи, приходит к выводу, что человек даже на лоне прекрасной природы, наслаждаясь свободой духа, творчества, даже в достатке, но находясь вдали от родины, ощущает себя сиротой, чужим для всех, не понятым до конца. Поэт отмечает: *«И вообще, почему есть чужбина, когда и отчизна, со всеми своими цветами, отнялась еще в детстве – вместе с первым родным языком? (...) В двенадцати языках, оказалось, не сыскать утешенья безъязыкости, изначальной и косной, которая только и есть подлинность существования»* [Бухараев, 2001, с. 10].

рующиеся с их малой родиной. Так, у И. Юзеева это такие прозаические образы, как цветок картофеля «Бәрәңге чәчәге» («Цветок картофеля») и душица (в песне «Мәтрүшкәләр» («Душица»)), музыка А. Гилязова).

И. Юзеев создает гимн цветку картофеля, который не замечен и не опоэтизирован в обычной жизни, но вдали от родины именно он становится символом родины, родного дома. В стихотворении «Мәтрүшкәләр» («Душица»), которая стала любимой татарским народом песней, И. Юзеев тоску по родине выражает через образ неприметных полевых цветов. Образ душицы тесно связан в этом стихотворении с образом матери лирического героя.

Таким образом, символика образов сада, яблони, садовых и полевых цветов и растений позволяет современным русским и татарским поэтам выразить свои патриотические чувства, иллюстрирует размышления поэтов о философско-нравственных проблемах и о месте поэта и поэзии в обществе, поднимаясь до общечеловеческих обобщений. Поэзия Равиля Бухараева находится на периферии традиции русской и татарской литературы, поэтому он легко вписывается в контекст творчества современных русских и татарских поэтов. С татарскими поэтами Р. Бухараева объединяет использование общей символики, присущей для традиционной татарской поэзии, в то же время мироощущение и поэтическая интерпретация образов в их творчестве различна.

Список литературы

Бухараев Р. Р. Избранные произведения: Книга стихов. Казань: Магариф – Вакыт, 2011. 415 с.

Бухараев Р. Р. Стекланные цветы чужбины // Бухараев Р. Р. Бесконечный поезд: Избранные стихи и поэмы. Казань: Магариф, 2001. С. 6–24.

Кушнер А. Избранное. СПб.: Художественная литература, 1997. 496 с.

Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. / Под ред. С. А. Токарева. Т. 2. М.: Большая рос. энциклопедия, 2003. 719 с.

Хабутдинова М. М., Замалиева Л. Ф. Система образов и художественный мир песенной лирики Марселя Галиева // Филология и культура. Pfilology and Culture. 2016. № 3 (45). С. 179–183.

Юсупова Н. М. Возрождение религиозно-суфийской символики в татарской поэзии рубежа XX–XXI веков (на материале поэтических произведений Г. Салима) // Филология и культура. Pfilology and Culture. 2015. № 3 (41). С. 284–287.

Юсупова Н. М., Юсупов А. Ф. Суфийская символика XIX века // Филология и культура. Pfilology and Culture. 2014. № 2 (36). С. 230–235.

Аккош күле – илһам аланы: Истәлек-хатирәләр. Казан: Мәгариф, 2007. 191 б.

Баширов Г. Чәчәкләрдә төсә калды // Ак чәчәкләр атар иде: Хәсән Туфан турында истәлекләр, Төзүчәсе Х. Әюпов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. С. 158–172.

Зөлфәт. Йөрәгемне былбыл чакты. Казан: Рухият нәшр., 1999. 416 б.

Харисов Р. М. Шигырь язган каләм белән / Пером, пишушим стихи: Шигырьләр һәм рәсемнәр. Казан: Мәгариф, 1998. 95 б.

Харисов Р. М. Сайланма әсәрләр: 7 томда / Ренат Харис; Төз. һәм кереш сүз авт. Ф. Хәсәнова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. Т. 1: Шигырьләр (1960–1980). 430 б.

Харисов Р. М. Сайланма әсәрләр: 7 томда / Ренат Харис; Төз. һәм кереш сүз авт. Ф. Хәсәнова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. Т. 2: Шигырьләр (1980–2000). 463 б.

Туфан Х. Ф. Әсәрләр: 5 томда / Хәсән Туфан; төз. М. Гайнетдинов: Т. 3. Шигырьләр, поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. 415 б.

Юзеев И. Г. Мәхәббәт китабы. Шигырьләр, жырлар, поэмалар. «Шигырь китапханәсе» сериясе. Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. 352 б.

References

Akkosh kyle – ilham alany: Istalek-khatiralar (2007) [Swan Lake - Ilham Glades: Memory- Reminiscences]. 191 p. Kazan: Magarif. (In Tatar)

Bashirov, G. (1989). *Chachaklardä tösä kaldy* [Left the Color in the Flowers]. Ak chachaklar atar ide: Khäsän Tufan turynda istäleklär, Tözychese Kh. Äyürov. Pp. 158–172. Kazan: Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Bukharaev, R. R. (2011). *Izbrannye proizvedeniia: Kniga stikhov* [Selected Works: A Book of Poems]. 415 p. Kazan': Magarif – Vakyt. (In Russian)

Bukharaev, R. R. (2001). *Stekliannye tsvety chuzhbiny* [Glass Flowers of a Foreign Land]. Bukharaev R. R. Beskonechnyi poezd: Izbrannye stikhi i poemu. Pp. 6–24. Kazan': Magarif. (In Russian)

Iusupova, N. M. (2015). *Vozrozhdenie religioznosufiiskoi simboliki v tatarskoi poezii rubezha XX–XXI vekov (na materiale poeticheskikh proizvedenii G. Salima)* [The Revival of Religious-Sufi Symbolism in Tatar Poetry at the Turn of the Twenty First Century (based on the poetic works of G. Salim)]. *Filologiya i kul'tura. Pfilology and Culture*. No. 3 (41), pp. 284–287. (In Russian)

Iusupova, N. M., Iusupov A. F. (2014). *Sufiiskaia simbolika XIX veka* [Sufi Symbolism in the 19th Century]. *Filologiya i kul'tura. Pfilology and Culture*. No. 2 (36), pp. 230–235. (In Russian)

Iuzeev, I. G. (1982). *Makhabbat kitaby. Shigyr'lar, jырlar, poemalar* [The Book of Love. Poems, Songs, Verses]. “Shigyr' kitapkanäse” seriiaсе. 352 p. Kazan: Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Khabutdinova, M. M., Zamalieva, L. F. (2016). *Sistema obrazov i khudozhestvennyi mir pesennoi liriki Marselia Galieva* [A System of Images and Artistic World in Marcel Galiev Song Lyrics]. *Filologiya i kul'tura. Pfilology and Culture*. No. 3 (45), pp. 179–183. (In Russian)

Kharisov, R. M. (2006). *Sailanma әsәrlәр: 7 tomда* [Selected Works in Seven Volumes]. Renat Kharis; Tөz. Hәм keresh syz avt. F. Khәsәnova. 430 p. Kazan: Tatar. kit. nәshr., T. 1: Shigyr'lәр (1960–1980). (In Tatar)

Kharisov, R. M. (2006). *Sailanma әsәrlәр: 7 tomда* [Selected Works in Seven Volumes]. Renat Kharis; Tөz. Hәм keresh syz avt. F. Khәsәnova. 463 p. Kazan: Tatar. kit. nәshr., T. 2: Shigyr'lәр (1980–2000). (In Tatar)

Kharisov, R. M. (1998). *Shigyr' iazgan kalәм belән* [A Pen Writing Poetry]. Perom, pishushchim stikhi: Shigyr'lәр hәм rәsemnәр. 95 p. Kazan: Mәgarif. (In Tatar)

Kushner A. (1997). *Izbrannoe* [Selected Works]. 496 p. St. Petersburg: Hudozhestvennaya literature. (In Russian)

Mify narodov mira: Entsiklopediia v 2 t. (2003) [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia in Two Volumes]. Pod red. S. A. Tokareva. T. 2, 719 p. Moscow: Bol'shaia ros. Entsiklopediia. (In Russian)

Tufan, Kh. F. (2008). *Әsәrlәр: 5 tomда* [Works in Five Volumes]. Khәsәn Tufan; tөz. M. Gainetdinov: T. 3. Shigyr'lәр, poemalar. 415 p. Kazan: Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

Zөlfәt. (1999). *Iәragemne bylbyl chakty* [When My Heart Is Nightingale]. 416 p. Kazan: Rukhiat nәshr. (In Tatar)

The article was submitted on 27.06.2017
Поступила в редакцию 27.06.2017

Галимуллина Альфия Фоатовна,
доктор педагогических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
alfiya_gali100@mail.ru

Galimullina Alfiya Foatovna,
Doctor of Pedagogy,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
alfiya_gali100@mail.ru

Галимуллин Фоат Галимуллинович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
alfiya_gali@rambler.ru

Galimullin Foat Galimullinovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
alfiya_gali@rambler.ru